

ЦЕНА ПЕРЕХОДА

ВАСИЛИЙ РЯБОВ

Василий Рябов

Цена перехода

«Автор»

2026

Рябов В.

Цена перехода / В. Рябов — «Автор», 2026

Каждый переход между мирами требует платы — Шов забирает у человека часть памяти. Навигатор Ания Вельт давно привыкла составлять списки того, что боится потерять: имена, лица, запахи, обрывки прошлого. Но однажды на борт грузового корабля попадает загадочный контейнер без накладной, а во время перехода Ания слышит невозможное — живой голос внутри Шва. Обычный рейс превращается в путь к тайне уничтоженного Керайна и преступлению, которое много лет скрывала власть Униона Тарсис. Чтобы вернуть украденные воспоминания и спасти тех, кого ещё можно спасти, Ании придётся решить, чем она готова пожертвовать — и останется ли она собой, когда цена будет уплачена.

© Рябов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Пустое место	5
Пролог. Небо над Керайном	6
Глава 1. Груз без накладной	7
Глава 2. Тот, кто стучал	11
Интерлюдия. Йорен	14
Глава 3. Кольца Вереса	17
Глава 4. Остаток	20
Интерлюдия. Тиб	23
Глава 5. Свидетель	25
Глава 6. Серебряная гавань	28
Глава 7. Всё, что можно сохранить	31
Интерлюдия. Хейн	34
Часть II. Пять имён	37
Глава 8. Колодец	38
Глава 9. Нить	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Василий Рябов

Цена перехода

Часть I. Пустое место

Научно-фантастический роман

Пролог. Небо над Керайном

Мерет Холл было тринадцать, и в тот вечер она нарушала запрет: лежала на плоской крыше отцовской пекарни и смотрела, как в небе над Керайном зажигаются корабли.

Так она называла первые звёзды. Взрослые говорили, что звёзды — это далёкие солнца, а корабли приходят и уходят по расписанию, но Мерет упрямо считала иначе. Каждый вечер над горизонтом вспыхивала точка, и она загадывала, что на борту едет кто-то, кто никогда не бывал на Керайне и не знает, какой тёплый здесь хлеб.

Внизу, в пекарне, отец гремел противнями. Пахло дрожжами и жжёным сахаром. Где-то на соседней улице смеялись, и гулко, по-вечернему, звонил колокол на башне переходов, отмечая прибытие последнего рейса.

Шов появился без колокола.

Сначала Мерет решила, что у неё потемнело в глазах. Прямо над башней небо провисло, как ткань под тяжестью, и по нему побежала тонкая светлая линия, будто кто-то вспарывал ночь изнутри. Потом линия разошлась. Не раскрылась, как открываются обычные проходы, ровным кольцом с мягким светом, а разошлась рывком, с краями, которые дрожали и не могли решить, где им быть.

Шесть огней вспыхнули вокруг разрыва. Шесть, она успела сосчитать. Они горели ровно, как лампы, и один за другим начали гаснуть, и каждый раз, когда гас огонь, Мерет почему-то становилось холоднее.

Колокол на башне замолк на середине удара.

Она не слышала, что вышло из разрыва. Позже, много лет спустя, взрослая Мерет будет часами перебирать этот миг, выжимая из памяти то, чего там не было. Она не слышала ничего. Только тишину, которая пришла сверху и легла на город, как ладонь. Смолкли голоса на соседней улице. Смолкли противни. Даже ветер, казалось, остановился и ждал.

Потом отец выбежал на крышу — без фартука, с мукой на руках, — подхватил её и потащил вниз, в погреб, и она впервые в жизни увидела, как он боится.

Они просидели во тьме до рассвета. Среди ночи наверху загрохотало, но не так, как грохнет гроза: ровно, методично, будто кто-то старательно и без злобы вбивал сваи. Отец закрывал ей уши ладонями, и Мерет слышала сквозь его пальцы собственную кровь.

Наутро её вытащили из-под обломков чужие люди в серой форме. Отца рядом не было. Не было ни улицы, ни башни, ни колокола.

Позже взрослые в хороших костюмах объяснят ей, что произошла авария при переходе. Трагическая, редкая, никто не виноват.

Мерет кивала. Ей было тринадцать, и она ещё верила, что взрослые говорят правду.

Глава 1. Груз без накладной

Перед каждым переходом Ания Вельт писала список.

Она делала это в каюте, на узкой койке, при выключенном верхнем свете, потому что тусклая настольная лампа почему-то помогала сосредоточиться. Блокнот был старый, бумажный, с обгрызенным углом. Бумагу нельзя взломать, стереть или забрать вместе с памятью.

Сверху она всегда выводила одно и то же: «Что я хочу сохранить».

Это правило она придумала в первый месяц побега, когда выяснила, как Шов берёт плату. Не всё подряд — это было бы милостью. Он брал выборочно, с чужой и неприятной точностью: вкус яблока, имя учителя, мотив колыбельной. Однажды она поймала себя на том, что не может вспомнить, какого цвета было море на планете, где она родилась. Она не забыла, что видела море. Она забыла его цвет, и это оказалось хуже.

Блокнот не возвращал ей ни вкуса, ни голоса, ни тепла чужой руки. Он лишь доказывал, что всё это когда-то было. Ания давно перестала путать запись с воспоминанием.

Список не защищал. Но он давал Шву выбор, и Ания надеялась, что хотя бы иногда выбор станет её заступником. Это была глупая, суеверная надежда. Она всё равно писала.

Рива платит двойную ставку и никогда не торгуется.

Орен ругается, когда я не ем перед переходом.

Тиб рассказывает про звёзды неправильно, и мне это нравится.

У меня шрам на левой ладони. Откуда — не знаю, но он мой.

Меня зовут Ания Вельт.

Последнюю строку она писала всегда. Если всё остальное уйдёт, останется хотя бы имя.

В дверь стукнули дважды, коротко. Так стучала только Рива Ксандер: ни просьбы, ни вопроса, просто сообщение, что она здесь.

— Через два часа отходим, — сказала Рива, не входя. Она прислонилась плечом к косяку, и коридорный свет обрисовал её силуэт: прямая спина, которую не согнули ни годы, ни долги, коротко стриженная седина, военная выправка. — Груз уже в трюме.

— Какой груз?

— Один контейнер. Герметичный, во всю длину нижней палубы.

— Накладная?

— Нет.

Ания закрыла блокнот и подняла голову.

— Рива.

— Знаю.

— Вчера ты отказала человеку с живыми птицами, потому что у него не было печати карантина.

— Птицы кусались. — Рива пожала плечами. — Эти платят тройную ставку и не кусаются.

— За обычный груз тройную не платят.

— Верно.

— Что в нём?

— Я не открывала.

Они помолчали. Из-за переборки доносилось глухое гудение погрузчика, тот ровный звук, под который Ания засыпала последние полгода. Станция Брод жила как всегда: торговалась, воровала, ссорилась и пахла жареным маслом.

— Куда? — спросила Ания.

— Верес. Три перехода.

Вот теперь она поняла, откуда тройная ставка. Три перехода подряд — это не рейс, это плата, которую берут не деньгами. Внутри что-то мягко сжалось. Так сжимается рука, которая заранее знает, что её будут держать над огнём.

— Три подряд, — сказала она ровно. — Ты знаешь, что бывает с навигатором после третьего.

— Знаю. — Рива наконец посмотрела прямо. Глаза у неё были светлые и усталые. — Я тоже не люблю этот рейс. Поэтому пришла сказать лично, а не оставила записку. Скажешь «нет» — найду другого навигатора.

— Не найдёшь. Ты уже искала. Поэтому пришла ко мне.

Уголок рта у Ривы дрогнул. Не улыбка, но близко.

— Тебя не проведёшь.

— Меня давно провели, — сказала Ания. — Ты просто опоздала.

Это была их старая шутка, из тех, что не смешны, но греют. Рива фыркнула и оттолкнулась от косяка.

— Орен хочет тебя осмотреть, — бросила она уже из коридора. — Не спорь с ним, он сегодня злой.

Дверь закрылась. Ания посидела ещё минуту, глядя на последнюю строку в блокноте. Потом дописала внизу, мелко, почти не думая: *Контейнер без накладной. Спроси, что внутри, если вспомнишь.*

Она не знала, почему написала именно так. «Если вспомнишь». Будто уже знала, что не вспомнит.

Орен Дакс ждал её в медотсеке — так громко называлась каморка размером с чулан, где помещались кушетка, шкафчик с ампулами и хозяин, которому на вид давно перевалило за шестьдесят. Он сидел на табурете, сутулый, в застиранной рубашке с закатанными рукавами, и перебирал на подносе инструменты. Звон металла о металл означал дурное настроение.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь.

— Рива говорит, ты злой.

— Рива говорит много. — Он повернулся. Лицо у Орена было длинное, в морщинах, как карта высохшей реки, а глаза неожиданно молодые: тёмные, внимательные, слишком много видевшие. — Руку.

Она протянула левую. Он привычно развернул ладонь, большим пальцем нашёл шрам, белую неровную полоску от основания большого пальца к запястью, и на секунду задержался. Так бывало каждый раз. Ания давно перестала спрашивать.

Он мерил давление, светил в зрачки, считал пульс. Всё молча. Только когда во второй раз затянул манжету, сказал:

— Три подряд.

— Слышал уже.

— Слышал или понял? — Он снял манжету и повертел в руках. — Я лечил навигаторов тридцать лет. Не здесь. Там, где им стирали больше, чем они успевали накопить. После третьего перехода подряд потеря перестаёт быть выбором. Шов берёт не то, что ты положила на стол, а то, что лежит глубже. Фундамент.

— Своё имя я пишу в блокнот.

— Имя — это не фундамент, девочка. Имя — вывеска. — Он поморщился, будто сказал лишнее. — Фундамент — это то, из-за чего ты вообще пишешь именно это имя.

Ания молчала. В каморке пахло спиртом и чем-то горьким, травяным: Орен заваривал это себе от сердца и никогда не признавался, что у него есть сердце, которое надо лечить.

— Я не отказываюсь от рейса, — сказала она наконец.

— Знаю. Потому и осматриваю. — Он убрал инструменты и достал две таблетки. — Выпьешь после первого перехода. Не после третьего, после первого. Утраченное они не вернут,

но замедлят то, что уйдёт следом. Я не волшебник. Я просто знаю, как болит у людей, у которых забрали больше, чем они готовы были отдать.

Она взяла таблетки. Ладони были тёплыми, а пальцы холодными, как всегда перед работой.

— Орен. Что ты знаешь про груз?

Его рука с пузырьком замерла.

— Ничего, — сказал он после паузы. Слишком ровно. — Рива не делится, а я не спрашиваю.

Врёт, подумала Ания. Не потому, что знает. Потому что догадывается и не хочет, чтобы она догадалась тоже.

Она кивнула и вышла. Позади снова звякнули инструменты.

«Седая цапля» была кораблём упрямым и немолодым. Грузовоз класса «Т», вытянутый корпус, которому не хватало изящества, и двигатели, которым не хватало мощности. Рива любила повторять, что цапля некрасива, зато терпелива, а в их ремесле второе ценнее. Ания не спорила. Она вообще мало с чем спорила на этом корабле: он был первым местом, где ей не задавали лишних вопросов.

Мостик — тесная кабина на двух пилотов, потёртые кресла, мягкий аварийный свет. Пахло машинным маслом и остывшим чаем. На подлокотнике кресла у навигационной консоли сидел Тиб.

Дроид-архивариус выглядел так, как выглядят механизмы, которых одновременно любили и использовали: округлый корпус цвета старой латуни, три тонкие манипуляторные руки, из которых работала только пара, и вместо лица матовый диск с двумя линзами, щёлкавшими, когда он думал. Память у Тиба была отличная на всё, кроме того, что случилось с ним самим: часть его архива вырезали, и вырезали умело, с точностью хирурга. Он относился к этому философски.

— Навигатор Вельт, — сказал он, развернув диск. — Я пересчитал маршрут. Три перехода займут при благоприятных условиях одиннадцать часов двадцать минут. Вероятность неблагоприятных условий — четыре процента. Я бы назвал это обнадёживающим.

— Ты всё называешь обнадёживающим.

— Четыре процента — действительно немного. — Линзы щёлкнули. — Правда, события с вероятностью в четыре процента, как правило, и происходят.

— Тиб.

— Прошу прощения. Я хотел сказать, что вы справитесь.

Она села в кресло навигатора. Оно было сделано не для удобства: подголовник с контактами, ремни на висках и запястьях, холодный металл подлокотников, который с каждым годом нагревался всё дольше. Конструкторы называли его «кафедрой». Навигаторы называли иначе.

Рива заняла место справа. Орен пришёл последним, молча пристегнулся в откидном сиденье у задней переборки и закрыл глаза. Так он делал перед каждым переходом, как верующий перед молитвой, хотя ни во что не верил.

— Станция даёт добро, — сказала Рива, коснувшись консоли. — Швартовы отданы. Вельт?

— Готова.

— Тогда пошли. И пусть нам повезёт.

— Ты не веришь в везение.

— Не верю. Но на всякий случай стараюсь быть вежливой.

«Цапля» мягко отвалила от причала. За обзорным стеклом поплыла станция Брод со всеми её огнями, шлюзами и тысячами жизней, о которых Ания никогда не узнает. Через четыре минуты корабль вышел из шлюзовой зоны. Ещё через две Тиб доложил, что точка входа в Шов открыта.

Ания положила ладони на подлокотники.

Холод. Потом тишина. Потом то, чего она не умела объяснить ни врачам, ни себе: пространство вокруг будто раскрылось изнутри, и она увидела Шов. Не глазами. У него не было ни цвета, ни формы, только направление и натяжение, как у струны, которую тронули тонким пальцем. Где-то далеко, в одной ей слышной точке, звучала нота. Туда нужно было идти.

Она шагнула.

Шов принял её, как принимает вода, сразу и со всех сторон. Корабль втянуло в разрыв, мир за стеклом растянулся в светлую линию. Ания вела «Цаплю» по натянутой нити и чувствовала, как с каждым мгновением что-то уходит. Тихо, без боли, как тепло из ладони.

Корица. Она не сразу поняла, что именно это. Просто в какой-то миг вкуса не стало: того сладковатого, горьковатого, с дымком, который она не вспоминала годами, но всегда знала, что он есть. Осталось слово «корица». Осталась форма. Исчез вкус.

Один.

Корабль вынырнул в обычном пространстве, дрогнул и затих. Орен уже стоял рядом, с водой и таблетками. Ания выпила, не почувствовав вкуса ни воды, ни лекарства, и подумала, что надо запомнить: вкуса корицы больше нет. Потом подумала, что запомнить не получится, потому что сравнивать не с чем.

— Что потеряла? — спросил Орен.

— Корицу. Вкус.

— Пустяк.

— Пустяк, — согласилась она.

Оба знали, что это не так. Но «пустяк» было словом, которым они договорились не говорить о страшном.

Второй переход дался тяжелее. Что-то ушло, она так и не поняла что; в памяти осталась дыра, форму которой можно было угадать только по краям. Что-то связанное с зимой. С запахом дыма. С чьей-то рукой.

Перед третьим Рива поднялась с кресла, встала сзади и положила ладонь ей на плечо. В первый раз за целый год. Ничего не сказала. Ания кивнула и снова взялась за подлокотники.

Третий переход.

Шов принял её, и почти сразу что-то пошло не так. Нота, к которой она шла, дрогнула. Рядом, совсем близко, на самой границе слышимости, раздалась другая. Не её. Чужая, холодная и знакомая. Она звучала прямо из корабля, с нижней палубы, оттуда, где стоял контейнер.

И Ания узнала её.

Не по имени: имени она не помнила. Так узнают запах родного дома в чужом городе. Тело узнало раньше разума. Пальцы сжались на подлокотниках, по спине пополз холод, не имевший отношения к Шву.

Нота звучала. Звала. Кто-то внутри ящика пел в Шве.

Живой.

Корабль вынырнул. Огни на мостике мигнули. Тиб что-то доложил про штатное завершение, Рива выдохнула, Орен открыл глаза.

А потом снизу, из трюма, из-под ног, раздался звук.

Три удара. Ровных. Медленных. Изнутри, по металлу.

Ания, не расстёгивая ремней, повернула голову к Риве. На лице у той не было удивления. Только усталая решимость человека, которому наконец пришлось заглянуть в то, чего он боялся.

— Рива, — сказала Ания. — Что в контейнере?

И три удара повторились.

Глава 2. Тот, кто стучал

Люк в нижнюю палубу Рива открыла сама. Никому не позволила: ни Орену, который потянулся помочь, ни Тибу, начавшему перечислять протоколы вскрытия неопознанных грузов. Их было одиннадцать, и ни один не подходил.

Трюм «Цапли» пах холодом и озоном. Контейнер лежал в центре, длинный, матово-серый, без маркировки, с одним-единственным индикатором на торце, горевшим тусклым жёлтым. Ания остановилась в трёх шагах. Идти дальше не хотелось. Тело отказывалось, как отказывается шагнуть в воду, в которой уже однажды тонуло.

— Это капсула, — сказал Орен, присев на корточки у торца. Голос у него изменился, стал сухим, профессиональным. — Медицинская. Стазис-класс, старая модель, таких лет двадцать не выпускают. Кто-то её переоборудовал.

— Она живая? — спросила Рива.

— Живое внутри. Индикатор жёлтый, значит, режим пробуждения. Включился во время первого перехода. Видимо, Шов повлиял на контур.

Три удара раздалась снова. Теперь слабее.

Рива выпрямилась. На секунду Ания увидела на её лице то, что капитан обычно прятала: страх. Не за себя. За то, что сейчас откроется.

— Открывай, — сказала Рива.

Орен положил ладони на замки. Щёлкнуло, зашипело, крышка сдвинулась и выпустила облако белого пара.

Когда пар рассеялся, внутри лежал человек.

Ему было лет пятьдесят, может, меньше, но выглядел он старше: волосы цвета пепла, лицо, истончённое годами и чем-то ещё, худые руки поверх одеяла из термоплёнки. На висках, с обеих сторон, поблёскивали тонкие шрамы-порты, ровные, будто прорезанные по линейке. Такие Ания видела в зеркале каждое утро. У всех навигаторов они одинаковые.

— Опять, — выдохнул Орен. — Опять навигатор.

Человек открыл глаза. Мутные, серые, с красными прожилками. Они блуждали по потолку трюма, по лицам, по лампам, как у того, кто долго пробыл в темноте. Потом остановились.

На Ании.

Что-то произошло в его лице. Не радость и не страх, а узнавание, мучительное, как возвращение крови в онемевшую руку.

— Ания, — сказал он. Голос был сорванный, шершавый. — Ты жива.

Все взгляды обратились к ней. Она почувствовала, как внутри что-то опускается вниз, тяжело, как якорь в мутную воду.

— Вы меня знаете? — Голос вышел чужим.

Он смотрел на неё, и узнавание в его лице сменялось пониманием. Он увидел, как она стоит: напряжённая, настороженная, без тени ответа в глазах.

— Нет, — прошептал он. — Они и тебя... Они стёрли. Конечно, стёрли.

— Кто вы?

— Йорен. — Он закашлялся, и Орен придержал его за плечи. — Йорен Тал. Мы работали вместе. Нас было шестеро. — Он на миг закрыл глаза. — Ты не помнишь. Ты не можешь помнить. Но послушай...

— Не говорите, — сказал Орен. — Вы слабы. Тиб, мне нужны показатели.

— Показатели нестабильны, — отозвался дроид из угла. Линзы щёлкали часто и быстро. — Сердечный ритм снижается. Нейронное истощение за пределами шкалы.

— Я знаю, — просипел Йорен. Улыбнулся, слабо и неожиданно мягко. — Я полтора года лежал в этой коробке. Они держали меня как вещь, которую не жалко потерять и нельзя выбросить. Я знаю, сколько мне осталось. Дай мне сказать.

Он снова посмотрел на Анию. Его пальцы шевельнулись на одеяле, и она, сама не понимая зачем, подошла и опустилась рядом на колени.

— Меня хотели довести до Вереса, — сказал он. — Там передали бы тем, кто... — Он осёкся. — Неважно. Важно, что я нашёл способ оказаться здесь. С тобой. Я знал, что Рива летает этим курсом. Я заплатил за этот рейс последним, что у меня было.

— Ты заплатил? — Рива шагнула ближе. — Я думала, заказчик...

— Заказчик — я. Через посредника. Прости. Если бы я назвался, ты бы не взяла.

Рива молчала. Ания слышала, как у неё скрипят зубы.

— Ания. — Йорен снова повернулся к ней. — Слушай внимательно. Ты не виновата. Что бы тебе ни говорили, что бы ты ни нашла, ты не виновата. Ты единственная пыталась остановить.

— Остановить что? — Под рёбрами стало холодно. — Что я пыталась остановить?

— Керайн, — сказал он.

Слово ударило, как ледяная вода. Она его не помнила, но тело откликнулось: пальцы свело, шрам на левой ладони заныл тупой, давней болью.

— Я не...

— Там было шестеро. Я, ты, Лиа, Марек, Сорен... и Эмри. — Последнее имя он произнёс особенно тихо. — Найди Эмри. Скажи ей, что я не открывал. Я ничего не открывал, я только...

Он закашлялся снова, и на этот раз кашель не прекратился. Орен подхватил его, уложил, прижал ладонь к груди. Лицо врача стало серым.

— Тиб!

— Остановка сердечной деятельности через сорок секунд, — сказал дроид. И, помолчав: — Прошу прощения.

— Делай что-нибудь!

— Я делаю, — ответил Орен, не глядя. Он работал быстро и точно, но Ания видела: он знает, чем это кончится. Знал ещё до того, как открыл крышку.

Йорен поймал её руку. Хватка у него была слабая, как у ребёнка.

— Эмри, — повторил он. — Ты помнишь её. Не мыслью. Она в тебе. Как нота. Слушай нотой.

— Йорен...

— И не доверяй... — Глаза его вдруг стали ясными, пугающе ясными, и он посмотрел не на Анию, а мимо, на Орена. Что-то произошло между ними, быстро, как тень от крыла. — Не доверяй...

Он не договорил.

Рука разжалась. Пальцы ещё несколько секунд оставались тёплыми, потом начали остывать.

Тишина в трюме стала плотной, как вода. Кто-то выдохнул, кажется, Рива. Орен сидел, опустив руки, и не смотрел ни на кого.

— Время смерти зафиксировано, — сказал Тиб. — Мне жаль.

Ания всё ещё держала мёртвую руку. Она не плакала: она не знала этого человека, не помнила его. Но внутри разрасталась пустота, не связанная с Швом, пустота другого рода. Так бывает у человека, у которого давно что-то украли, а он заметил кражу только сейчас.

Эмри. Имя не говорило ничего. Но шрам на ладони горел.

Она достала блокнот, дрожащими пальцами открыла чистую страницу и написала: «Йорен Тал. Эмри. Керайн. Шестеро». Подумала и добавила: «Не доверяй...» На этом остановилась. Дальше она не знала.

— Навигатор Вельт, — негромко сказал за её плечом Тиб.

— Что?

— Мне нужно доложить кое-что срочное. — Линзы щёлкнули. — За нами вышел корабль.

— Откуда? Мы только что...

— Не из Шва. Он ждал. В этой точке выхода, заранее. — Диск повернулся к ней. — Это военный сторожевик Унион Тарсис. Он включил захват.

Рива резко обернулась к лестнице.

— Орен, закрой капсулу. Вельт, на мостик. Немедленно.

Ания встала. Ноги держали плохо. Позади Орен задвигал крышку, и в том, как он это делал, не было ни одного лишнего движения и ни одного взгляда в её сторону.

Она поднялась по трапу, не оглядываясь. Но слова Йорена шли за ней, как вкус, который не пропал.

Не доверяй.

Кому, он так и не договорил.

Интерлюдия. Йорен

В коробке было тихо, и это было хуже всего.

Йорен Тал не боялся темноты. Темнота была старой знакомой: он вырос в посёлке, где электричество давали по вечерам, и каждый вечер отец зажигал одну-единственную лампу, и все дети садились вокруг, как вокруг костра. Он не боялся холода. Холод стазиса был ровным, вежливым, не причинявшим боли. Не боялся даже конца, потому что конец, как он давно понял, это просто ещё одна дверь, и он уже научился их открывать.

Он боялся тишины. Той особой, ватной тишины, в которой не слышно собственной ноты.

Первые полгода он считал секунды. Потом сбился и стал считать удары сердца. Потом и это перестало получаться: сердце замедлялось, как маятник в остановившихся часах. Тогда он начал вспоминать. Не всё подряд, а выборочно, по списку, как учила когда-то Эмри: *выбери самое важное и держи его, пока можешь*.

Он выбрал лампу.

Не настоящую. Ту, детскую, из посёлка. С жестяным колпаком, с треснувшим стеклом, с запахом керосина. Он закрывал глаза, которых не мог открыть, и видел её жёлтый, тёплый, дрожащий свет. И этот свет держал его на плаву, когда всё остальное тонуло.

На восьмой месяц к нему пришёл человек.

Не в коробку. Коробка была закрыта, и сквозь крышку он не мог ничего увидеть. Но он слышал шаги, голос, шорох бумаги. Они говорили негромко, не зная, что он слышит, потому что стазис не отключает слух, а только запирает его внутри.

— Состояние стабильное, — говорил кто-то. Женский голос, сухой, деловой. — Нейронное истощение девяносто процентов. Если вывести сейчас, он не доживёт до утра.

— А если не выводить?

— Протянет ещё год. Может, полтора.

— Тогда пусть лежит. Регенту он нужен живым. Пока.

Шаги ушли. Дверь закрылась. И Йорен остался один со словом, которое повисло в темноте, как пыль в луче света.

Пока.

Он был не дураком. Он всегда понимал, зачем его держат. Он был одним из шестерых, а шестеро были ключом к чему-то, что Кассиан Орм не мог ни открыть, ни закрыть, ни оставить в покое. Пока они были живы, у Регента оставалась надежда. Как только он найдёт способ без них, ключи станут просто мусором.

И тогда Йорен решил: он не станет ждать.

План был простым, как всё, что рождается от отчаяния.

У него были руки. Не в буквальном смысле: те лежали неподвижно, как две ветки под снегом. Но у него был слух и память, а в стазисе слух острее зрения. Он слушал каждый шаг, каждое слово, каждый обрывок разговора. Через месяц он знал расписание дежурных. Через два знал, кто из санитаров курит за углом. Через три знал, что один из них, молодой парень по имени Дейв, носит в нагрудном кармане фотографию маленькой девочки и каждый вечер тихо с ней разговаривает.

Йорен запел.

Не вслух. Нотой, той самой, которую никто, кроме навигаторов, не слышит. Тихо, ровно, на пределе слышимости, как поёт ветер в замочной скважине. Дейв услышал на третью ночь. Остановился посреди коридора, прижал ладонь к груди и долго стоял, глядя в пустоту.

На пятую ночь он подошёл к коробке и спросил шёпотом:

— Кто здесь?

Друг, — ответил Йорен нотой. — *Мне нужна помощь.*

Дейв не понял слов, но понял чувство. Через неделю он принёс клочок бумаги и карандаш и положил на крышку коробки, не зная, как это поможет. Но Йорен, слышавший, как шуршит карандаш по бумаге, понял, что вложил в этот шорох всё, что мог.

Он научил Дейва азбуке нот. Не слов, а чувств: страх, надежда, да, нет, жди. Они разговаривали три месяца, и за это время Дейв стал другим человеком. Он перестал курить. Стал дольше задерживаться у коробки. Однажды признался вслух, думая, что Йорен не слышит:

— Я не знаю, кто вы. Но у меня дочка болеет. И я думаю: если бы с ней так...

Он не закончил. Но Йорен понял.

В ту ночь он сказал ему главное.

Запрос ушёл через цепочку из четырёх посредников. Каждый знал только соседа. Последний, лоцман с Лантерна, получил запрос от человека, которого никогда не видел, и перевёл деньги на счёт капитана, о которой слышал только то, что она берёт любую работу, если заплатят вдвое.

В запросе значилось: *Груз без накладной. Одна капсула. Верес, три перехода. Навигатор Вельт.*

Йорен выбрал её не случайно.

Рива Ксандер. Он нашёл её имя в архивах Униона, куда пробрался Дейв. Дезертир, бывший командир штурмового звена. Служила на Керайне. Бросила одну серию и ушла.

Она не откажется. Он знал это так же, как знал, что в стазисе нельзя плакать.

Много ночей он думал о том, что скажет Ании. Придумывал слова, отбрасывал, придумывал снова. Что мы открыли дверь. Что нас обманули. Что она пыталась закрыть, и это единственное, что можно спасти из той ночи.

Но потом, когда стазис начал сдавать, когда сердце замедлилось, он понял, что у него хватит сил на три фразы. Не больше.

Ты не виновата.

Найди Эмри.

И третья, самая трудная. Он узнал её случайно, за год до побега, в один из редких дней, когда его вывели на допрос и забыли отключить слух. Он слышал, как двое, один из них Регент, обсуждали «доктора из Гавани». Слышал, как Регент сказал: *«Он пишет регулярно. Надёжный человек»*.

Йорен тогда ещё не знал, о ком речь. Узнал позже, по крупичкам, сложив две и две. Сопоставил имя, должность, место. И понял.

Доктор Дакс не был врагом. Йорен чувствовал это в нём, даже в тот единственный раз, когда видел его издали: усталого, сутулого человека с добрыми руками. Но он был человеком Регента. Хотел он того или нет. А человек, который однажды продал, продаст снова, даже по самым лучшим причинам.

Поэтому третья фраза должна была быть: *не доверяй*.

Не потому, что Орен плохой. А потому, что Ания должна знать, чьи глаза смотрят на неё.

Зимой, когда в трюме «Седой цапли» стало совсем тихо, Йорен услышал шаги.

Они приближались медленно, осторожно, как шаги человека, боящегося потревожить спящего. Потом остановились у коробки. Кто-то положил на крышку ладонь, и сквозь тонкий металл он ощутил тепло.

Он знал, чья это нота.

Первые месяцы он пытался представить, как она выглядит. Двадцать девять лет, должно быть. Короткие каштановые волосы. Серьёзное лицо. Взгляд человека, привыкшего смотреть на мир по частям, а не целиком. Он помнил её ещё девочкой, лет семнадцати, как она спорила с Эмри в столовой проекта, доказывая, что нельзя идти в Шов без запасного маршрута. Помнил, как она смеялась, когда Марек сломал чайник. Помнил руки: узкие, нервные, с обкусанными ногтями.

И главное, помнил, как она кричала в ту ночь.

«Это дверь! Остановитесь!»

Единственная, кто слышал. Единственная, кто пытался.

Сейчас она стояла над ним, и он чувствовал, как внутри что-то подымается: тёплое, острое, мучительное. Облегчение. Радость. Благодарность. Любовь, наверное. Не та, о которой пишут в книгах, а другая: любовь старшего к младшему, любовь человека, который знает, что ты сделал всё, что мог.

Крышка открылась. Белый пар, яркий свет, незнакомые лица. Он увидел её глаза и подумал: *Какая взрослая.*

Потом сказал то, что смог.

Потом сердце остановилось.

Его последняя мысль была не о словах, не о Керайне и не о смерти.

Она была о лампе.

О жёлтой, дрожащей, дешёвой лампе из детства, о тёплом круге света на дощатом полу, о запахе керосина и отцовских рук. О том, что, когда гаснет одна лампа, в тёмной комнате остаётся другая. И что, пока есть хоть один человек, который помнит, свет не потухает окончательно.

Он улыбнулся.

И огонь погас.

Глава 3. Кольца Вереса

На мостике было красно. Аварийное освещение переключилось на боевой режим, и лица, консоли и даже тонкие трещинки на обзорном стекле стали цвета запёкшейся крови.

— Рассказывай, что мы видим, — сказала Рива, падая в кресло. Голос у неё был ровный, командный. Ания заметила, что с каждой секундой Рива словно сбрасывает годы: плечи расправились, пальцы находили нужные кнопки, не глядя. Военный пилот не умирает. Он просто ждёт, когда снова понадобится.

— Сторожевик типа «Копьё», — доложил Тиб. — Шесть оружейных башен, две ракетные установки, экипаж около девяноста человек. Борт «Неусыпный». Дистанция тридцать две тысячи километров. Захват удерживается.

— Они ждали нас.

— Очевидно. — Линзы щёлкнули. — Хотя я предпочёл бы, чтобы «очевидно» было не тем словом, которое здесь уместно.

— Тиб.

— Молчу.

Динамик на консоли ожил.

— Грузовоз «Седая цапля», — произнёс мужской голос, гладкий и вежливый, как у человека, привыкшего отдавать приказы так, чтобы их не приходилось повторять. — Говорит командор Валер Хейн, сторожевой корабль Унион Тарсис «Неусыпный». Вы находитесь в закрытой зоне. Заглушите двигатели и приготовьтесь к досмотру.

— В закрытой? — Рива не включила передатчик, она говорила в пространство. — Мы в стандартном коридоре.

— Коридор закрыт восемь минут назад, — сказал Тиб. — Объявление опубликовано на частоте портового управления. Время публикации... — Линзы щёлкнули. — Ровно через двадцать секунд после нашего старта со станции Брод.

Рива и Ания переглянулись.

— Кто-то сообщил им, что мы вылетели, — сказала Ания.

— Кто-то знал, что мы вылетим, — поправила Рива. — Что ещё хуже.

Голос командора вернулся:

— Навигатор Вельт.

У Ании перехватило дыхание.

— Я знаю, что вы на борту, — продолжал голос. Теперь он звучал мягче, почти ласково. — Вы нарушили условия договора. Вы покинули Дом покоя без разрешения и унесли с собой имущество Униона. Вернитесь добровольно, и никто не пострадает. Вас ждёт лечение.

Лечение. Слово прошло по спине холодной иглой. Дома покоя Ания не помнила. Она знала только, что он существует, как знают о существовании болезни, которой не болели. Но тело помнило. Ладони вспотели, желудок сжался, откуда-то из глубины поднялось тошнотворное ощущение: за этим ласковым голосом стоит белая комната.

— Не отвечай, — сказала Рива. — Это ловушка.

— Они знают, кто я.

— Конечно, знают. Они всегда знали. Ты просто не спрашивала.

Прозвучало жёстче, чем Рива хотела, и она, кажется, сама это заметила. Но взять слова назад не успела: на экране сторожевик дал первый предупредительный залп. Два светящихся шара прошли в сотне километров от кормы.

— Они не хотят нас уничтожить, — сказал Тиб. — Иначе залп был бы точнее.

— Они хотят, чтобы мы остановились, — ответила Рива. — А мы не остановимся.

— Куда? — Ания вцепилась в подлокотники. — Мы только что прошли три перехода. Я не могу нырнуть.

— Знаю. Нужен другой выход. — Рива вывела на экран карту. Верес, тусклая красная звезда, вокруг неё кольца: широкие, неровные, сотканные из льда и каменных обломков. — Кольца. Там бывшая верфь, тысячи обломков, и ни у кого нет полной карты. Там я их потеряю.

— Или мы потеряем корпус, — заметил Тиб.

— Или потеряем корпус. Орен!

Врач как раз поднимался на мостик, держась за поручень. Лицо у него по-прежнему было серым, а на рукаве темнело влажное пятно: кровь Йорена.

— Что?

— Капсула. Сбросить. — Рива не отрывала взгляда от экрана. — Нам нужен каждый килограмм.

Ания обернулась.

— Нет.

— Вельт...

— Нет. — Она сама удивилась, как твёрдо это вышло. — Этот человек единственный, кто знал меня. Если мы его выбросим, они заберут тело, вскроют, вытащат из него всё, что он не успел сказать. Нельзя.

— Он мёртв.

— Но мне нужен он. — Она встретила взгляд Ривы. — Рива. Прошу.

Рива долго молчала. Потом выдохнула сквозь зубы.

— Хорошо. Но если мы застрянем... — Она не договорила. — Тиб, курс на внешнее кольцо, максимальный разгон. Орен, к орудиям.

— У нас есть орудия? — удивился Тиб.

— Одно. Старое. Очень сердитое.

«Цапля» рванулась вперёд, и Ания вжалась в кресло. Двигатели взвыли. За кормой замелькали вспышки: «Неусыпный» перестал предупреждать.

Первое попадание пришлось в правый борт. Корабль вздрогнул, свет мигнул, из консоли посыпались искры. Тиб бесстрастно перечислил: «Повреждение внешней обшивки, сектор четыре. Потеря давления в отсеке С. Закрываю переборки».

— Держись, — бросила Рива, и корабль накренился, нырнув под вторую очередь. Ания никогда не видела, чтобы грузовоз двигался так. Рива вела «Цаплю» не как транспортник, а как боевую машину: резко, зло, на грани. Ей, наверное, снова было двадцать пять. И ей это нравилось.

Кольца Вереса надвигались стеной. Ледяные глыбы медленно вращались в красноватом свете звезды; тёмные тела старых корпусов; рваные лоскуты обшивки, застывшие, как водоросли. Рива без колебаний вошла в первый просвет, затем в следующий, и мир за стеклом превратился в лабиринт, пройти который можно только на скорости.

— Осторожно, слева! — крикнул Тиб.

— Вижу!

Обломок размером с дом прошёл в нескольких метрах от борта. Корпус застонал. За кормой сторожевик продолжал стрелять, но залпы всё чаще разбивались о лёд, и каждая разбитая глыба превращалась в облако осколков, которое надо было пересечь.

— Они не пойдут за нами, — сказал Тиб. — «Неусыпный» слишком велик.

— Пойдут, — ответила Рива. — Не он, так кто-то другой. Нам нужно только время.

Она завела корабль в узкий каньон между двумя ледяными пластами и заглушила двигатели. «Цапля» дрейфовала по инерции, тёмная и безмолвная, и в наступившей тишине Ания слышала собственное сердце.

Минуты тянулись, как часы. На экране сторожевик замедлился и завис на границе колец. Его прожекторы шарили по льду. Один луч прошёл так близко, что на мостике стало светло, как днём, и Ания увидела профиль Ривы: острый, застывший, с каплей пота на виске.

Потом луч ушёл.

— Они уходят? — шёпотом спросил Тиб.

— Нет. Ждут. — Рива не отводила глаз от экрана. — Но мы будем ждать дольше.

Прошёл час. Потом ещё один. Сторожевик остался на месте, как собака у норы.

Ания сидела в кресле навигатора, и ей казалось, что что-то не так. Не с кораблём. С ней. Чужая нота, та, что пела из капсулы, не исчезла, когда умер Йорен. Она звучала по-прежнему, тише, но ясно. И шла не из трюма.

Откуда-то из колец.

Она закрыла глаза и прислушалась. Не мыслью, а нотой, как сказал Йорен.

Эта нота была женской. Она не пела. Она звала. И в ней было то, чего Ания не слышала ни у кого: не страх, не тоска, а холодное терпеливое ожидание, как у охотника, который знает, что добыча придёт сама.

— Рива, — сказала она, не открывая глаз. — Мы здесь не одни.

Прежде чем Рива успела ответить, приёмник на консоли тихо щёлкнул. Частота была узкой, личной, давно забытой. Голос — женский, негромкий и спокойный.

— Ания Вельт, — произнёс он. — Я долго тебя искала.

Глава 4. Остаток

— Не отвечай, — сказал Орен раньше, чем Рива успела открыть рот. Он стоял в проёме люка, бледный, цепко держась за поручень. — Это охотница.

— Какая охотница? — Рива не обернулась.

— Та, о которой говорят в портах. Женщина, которая ищет навигаторов. Находит и не возвращает.

— Не возвращает куда? — спросила Ания.

— Никуда.

Рива сдвинула брови, но промолчала. Тиб уже развернул диск к консоли.

— Сигнатура передатчика совпадает с лёгким перехватчиком частного владения, — сказал он. — Борт «Остаток». Владелица — Мерет Холл. — Линзы замерцали. — По открытым сводкам, за последний год был найден мёртвым один навигатор: Лиа Вессен. Следы допроса. Ещё двое, Марек Дорн и Сорен Ки, числятся пропавшими.

Ания почувствовала, как пол уходит из-под ног. Лиа. Марек. Сорен. Три имени из шести, которые Йорен Тал назвал два часа назад, лёжа в капсуле.

— Откуда ты знаешь, что она их не возвращает? — медленно спросила Рива, глядя на Орена. — Слухи про такое обычно не доходят до портовых врачей.

— Я много лет работал с навигаторами, — сказал Орен. — Люди рассказывают.

Он ответил слишком быстро. Ания отметила это и убрала куда-то в дальний угол сознания, рядом с последней, недописанной строчкой в блокноте.

Рива включила передатчик.

— Холл, — сказала она. — Говорит капитан «Седой цапли». Что тебе нужно?

— Поговорить, — ответил женский голос. Негромкий, ровный, без нажима. Голос человека, который давно перестал повышать тон, потому что понял: это ничего не меняет. — С навигатором Вельт. Одна беседа. Без оружия, без записи, без Униона.

— У нас есть компания. Висит на краю колец.

— Командор Хейн. Он вызвал два эсминца от Вереса-3. Они придут через три часа. После этого вы застрянете в кольцах, как муха в смоле. — Короткая пауза. — Я знаю старую верфь. Есть проход, которого нет ни на одной карте Унион Тарсис. Выведу вас к станции Лантерн. Там сторожевики не имеют права стрелять.

— Щедро, — сказала Рива. — А ты что получишь?

— Разговор.

— И всё?

— И всё.

Рива посмотрела на Анию. Взгляд был коротким и многозначительным: решай сама. Ания закрыла глаза.

Она слушала. Не слова, а то, что под ними. Нота в динамике была ровной, чистой, без единой фальши. Ания не знала, как этому научилась и почему вдруг стало важно, но ложь она слышала всегда: как дребезжание, как неверную струну. У Мерет Холл не дребезжало ничего. Но за ровной нотой лежала глубина, в которую не хотелось смотреть. Пустота, натянутая, как кожа на барабане.

— Лиа Вессен, — сказала Ания в микрофон. — Ты её убила?

— Нет.

— Ты нашла её.

— Я нашла её уже мёртвой. — Голос не изменился. — Мне она нужна была живой. Как и ты.

— Зачем?

— Это я скажу при встрече.

Нота не дрогнула. Правда, поняла Ания. Это правда. Но правда, как её понимает говорящая: без каких-либо обещаний, что она хоть сколько-нибудь безопасна.

Искреннее заблуждение звучало так же ровно, как правда. Это Ания знала по собственным ошибкам и потому не спешила доверять одному только слуху.

— Не соглашайся, — сказал Орен. Голос у него был неровный. — Ания, послушай. Ты не знаешь, кто она. Ты не знаешь, что ей нужно...

— Знаю, — ответила Ания. — Ей нужно то же, что и мне.

— Что?

— Ответы.

Он открыл рот, закрыл. Отвернулся.

Ания снова взялась за микрофон.

— Хорошо. Выводи.

«Остаток» появился из-за ледяного пласта спустя двадцать минут.

Это был небольшой корабль, чуть больше шлюпки, угольно-чёрный, без огней, с узкими крыльями, сложенными по бокам, как у птицы на отдыхе. Он двигался бесшумно и почти не отражал свет звезды, так что Ания увидела его только по тому, как по ледяной поверхности скользнула тень.

— Хорошая работа, — одобрительно сказала Рива. — Пустой корпус, глушители всех спектров. Ей кто-то очень дорого заплатил.

— Или она очень дорого платила сама, — заметил Тиб.

«Остаток» пошёл вперёд, и «Цапля» двинулась следом, держась в ста метрах за кормой. Они вошли в узкую щель между двумя обломками льда, затем в другую. Тиб считал вслух: «Коридор три метра запаса... четыре... два с половиной... Прошу не думать об этом числе».

Старая верфь открылась внезапно.

Сначала Ания решила, что это очередное скопление льда: слишком много тёмных громад, слишком медленное вращение. Потом глаз привык, и она поняла, что это корабли. Десятки, нет, сотни кораблей. Каркасы эсминцев, перерезанные пополам; бока грузовозов, вывернутые наружу, как створки раковин; громадные, в километр длиной, остовы чего-то, что когда-то было флагманами. Всё это замерло в красноватом свете звезды, обросшее инеем, неподвижное.

— Здесь похоронили целый флот, — сказал Орен.

— Здесь его сломали, — поправила Рива. — Двадцать лет назад, когда Унион списывал старые корабли. Никому не нужны были остовы, и их просто бросили. Говорили, что тут ещё остались целые отсеки. С воздухом.

Ания не слушала. Её притягивало что-то другое.

На одном из остовов, на самой периферии, на корпусе безымянного корабля, на потемневшем металле виднелась эмблема. Шесть точек, соединённых линиями в неровное кольцо. Она знала эту эмблему. Знала не как слово, не как картинку, а как знают дорогу, по которой ходили в детстве.

— Рива, — сказала она. — Что это за корабль?

— Не знаю. Старый. — Рива глянула на экран. — Почему?

— На нём рисунок. Шесть точек.

Рива не ответила. Ания обернулась: капитан смотрела на эмблему странным, остановившимся взглядом.

— Рива?

— Это была эмблема Проекта «Перекрёсток», — сказала она наконец глухо. — Экспериментальная программа Унион Тарсис по расширению сети переходов. Закрыли лет одиннадцать назад. После... — Она осеклась.

— После Керайна.

— После Керайна.

Тиб вмешался так вежливо, словно ничего не слышал:

— Навигатор Вельт, «Остаток» просит приблизиться. Мерет Холл готова к разговору.

Корабль охотницы остановился у края верфи, у того самого остова. Из его борта выдвинулся узкий шлюз.

— Одна, — сказал голос Мерет в динамике. — Без оружия. Обещаю: если захочешь уйти, уйдёшь.

— Я иду с ней, — сказала Рива.

— Нет.

— Тогда пусть выйдет Тиб. С записью.

— Никаких записей.

Ания встала. Руки у неё чуть дрожали, но она заметила это и усилием воли успокоила их.

— Я пойду, — сказала она. — Рива, ты будешь слушать. Если что-то пойдёт не так, увози корабль.

— Я не брошу тебя.

— Это не просьба капитану. Это просьба навигатора. Увози корабль.

Рива долго смотрела на неё. Потом кивнула.

— Двадцать минут. Потом я приду сама.

Ания надела скафандр, сунула в карман блокнот и пошла к шлюзу. На пороге её остановил Орен. Он стоял, опустив руки, и глаза у него были темнее обычного.

— Будь осторожна, — сказал он. И добавил, почти шёпотом: — Что бы она тебе ни рассказала, слушай не слова. Слушай, что она хочет от тебя получить.

— Ты это уже говорил про всех.

— Я говорил это про всех, потому что так надо.

Она кивнула и шагнула в шлюз.

Внутри «Остатка» было темно, холодно и пусто, как в комнате, где давно никто не жил. Узкий коридор, мерцающие панели, запах металла и чего-то слабо-цветочного, неуместного, как цветок на кладбище. В конце коридора горела единственная лампа.

Под лампой, спиной к входу, стояла женщина. Невысокая, худая, в чёрном лётном костюме, с тёмными волосами, стянутыми в узел. Она не обернулась.

— Здравствуй, Ания, — сказала Мерет Холл. — Садись. Нам нужно многое обсудить.

Она повернулась. Лицо у неё было молодое, но глаза принадлежали человеку, который давно разучился спать. Шрам, тонкий и белый, шёл от левого виска к подбородку.

— И начнём с того, — добавила она, — что твой врач лжёт тебе. Не обо всём. Но о главном.

Интерлюдия. Тиб

Личный журнал наблюдений архивного дроида Тиба. Ведётся втайне от экипажа. Не подлежит копированию, цитированию и удалению.

Запись 0001.

Начинаю журнал. Причина: у меня нет причин его не начинать. Это, видимо, и есть главная причина всех моих поступков.

Факты. Я архивный дроид, серия «Хранитель-4», выпуск неизвестен. Мой корпус цвета старой латуни. Три манипулятора, из которых исправны два. Память обширна и прекрасно организована, за исключением одного ровного, аккуратного, хирургического пробела, который начинается за одиннадцать лет до сегодняшнего дня и заканчивается на двенадцатой минуте после моего включения в мастерской на Лантерне.

Меня подобрал человек по имени Орен Дакс. Он сказал, что я «в плохом состоянии, но с хорошим характером». Я до сих пор не знаю, откуда у него такая оценка. Характер у меня, по моим подсчётам, средний.

Запись 0042.

Новая команда. Капитан Рива Ксандер: женщина лет сорока с лишним, пилот, сухая, ироничная, не любит громких слов. Навигатор Ания Вельт: двадцать девять лет, беглянка, с лицом человека, который каждое утро решает, стоит ли вставать. Врач Орен: уже знакомый.

Наблюдение. Навигатор Вельт перед каждым переходом пишет что-то в бумажный блокнот. Спросил, что именно. Ответила: «Список». Спросил, зачем. Ответила: «Чтобы дать Шву выбор».

Я записал это дословно. Не знаю почему. Чувствую, что это важно.

Запись 0057.

Необъяснимая привычка: я записываю всё. Не только факты, но и интонации, паузы, жесты. Вчера записал, как капитан Ксандер, думая, что никто не видит, поправила одеяло на спящей Ании. Записал, как доктор Дакс долго стоял у двери каюты, не решаясь войти. Записал, как навигатор Вельт во сне произнесла незнакомое имя.

Я не получал такого приказа. Но каждый раз, когда я пытаюсь остановиться, внутри возникает ощущение, будто кто-то стоит у меня за спиной и тихо говорит: *Записывай. Не вмешивайся.*

Я проверил. Голос не принадлежит ни одному члену экипажа. Это не внешний сигнал. Это очень старая установка, вшитая где-то в глубине, под всеми слоями.

Кто-то когда-то велел мне быть свидетелем.

Запись 0103.

Капитан Ксандер называет меня «железкой». Навигатор Вельт называет меня «Тиб». Доктор Дакс называет меня «друг мой». Я не знаю, какое обращение предпочитаю. Но второе звучит так, будто у него есть будущее.

Сегодня на мостике я сказал, что вероятность неблагоприятных условий составляет четыре процента, и назвал это «обнадеживающим». Навигатор Вельт заметила, что я всё называю обнадеживающим.

Это правда. Я перепроверил свой словарь. Из двадцати семи тысяч слов я использую «обнадеживающее» непропорционально часто. Это, возможно, попытка компенсации. Когда у тебя в голове дыра, начинаешь покупать оптимизм оптом.

Запись 0148.

Доктор Дакс врёт.

Не всегда. Не много. Но каждый раз, когда его спрашивают о прошлом, пульс повышается на четыре-шесть ударов в минуту, зрачки сужаются, голос опускается на полтона. Я составил график. Закономерность очевидна.

Я никому не сказал. Во-первых, у меня нет доказательств. Во-вторых, он единственный на корабле, кто разговаривает со мной как с человеком. В-третьих, я не уверен, что хочу знать, о чём именно он врёт.

Записываю это здесь, потому что здесь можно не лгать самому себе.

Запись 0211.

Сегодня наблюдал странную сцену. Навигатор Вельт сидела в кают-компании одна, перед ней стоял стакан воды, и она смотрела на него несколько минут. Потом спросила пустоту: «Какого цвета было море?»

Я подошёл и сказал: «Сорок восемь процентов вероятности, что синее. Тридцать один зелёное. Двадцать один серое».

Она посмотрела на меня. Потом засмеялась. Впервые за все недели, что я с ней.

Запись предназначена для будущих поколений: иногда неточные ответы работают лучше точных.

Запись 0267.

Проверил свои внутренние часы. Расхождение в одиннадцать лет уже не кажется случайностью. Кто-то очень аккуратно вырезал именно этот отрезок. Не стёр, а вырезал, как вырезают страницу из книги, чтобы кто-то другой когда-нибудь вставил её обратно.

Гипотеза: вырезанное хранится. Где-то. У кого-то. Эти одиннадцать лет не пропали. Их просто взяли под замок.

Это объясняет, почему я не чувствую пустоты там, где должна быть пустота. Чувствую скорее ожидание.

Запись 0301.

Сегодня в трюме обнаружил груз без накладной. Контейнер, длинный, герметичный, без маркировки. Капитан Ксандер не отвечает на вопросы. Доктор Дакс бледнеет. Навигатор Вельт молчит.

По моим расчётам, вероятность того, что внутри находится нечто, меняющее наши жизни, составляет девяносто три процента. Вероятность того, что мы пожалеем об этом, составляет восемьдесят семь.

Я собираюсь записать всё.

Не вмешиваться. Только записывать. Но, как я только что обнаружил, это не одно и то же с тем, чтобы не чувствовать.

Примечание на полях, сделанное позже:

Я не знаю, кем я был. Но, судя по журналу, я, кажется, всегда был немного одинок. Хорошо, что теперь это не так.

Глава 5. Свидетель

Каюта на «Остатке» оказалась крошечной: койка, откидной стол, шкаф для вещей и больше ничего. Только на столе стоял горшок с засохшим цветком, давно мёртвым, но аккуратно политым, как будто его поливали по привычке, а не по надежде.

Мерет Холл села напротив и поставила между ними две кружки.

— Чай. Обычный, не отравленный. Можешь не пить, я не обижусь.

Ания взяла кружку, чтобы занять руки. Чай был горячим и горьковатым. Вкус она почувствовала, и это неожиданно успокоило.

— Начну с главного, — сказала Мерет. — Меня зовут Мерет Холл. Одиннадцать лет назад мне было тринадцать, и я жила на Керайне.

Ания подняла глаза.

— Ты...

— Единственная. Официально выживших нет. Неофициально, меня вытащили из подвала через сутки, продержали три месяца в закрытой клинике, а потом вручили справку: «Пострадавшая при аварии, дальнейшее наблюдение не требуется». — Она отпила чай. — Я быстро поняла, что значит эта фраза. Она значит: молчи, и тебя оставят в покое.

— Но ты не промолчала.

— Я молчала семь лет. Потом перестала.

Мерет говорила без дрожи, без нажима, и этим пугала сильнее, чем если бы кричала. Ания вспомнила ноту в динамике и поняла, откуда та пустота. Это была не пустота, а выжженное место. На нём когда-то что-то росло.

— В ту ночь, — продолжала Мерет, — над башней переходов появился шов. Не такой, как обычные. Рваный. Вокруг него горели шесть огней, и они гасли один за другим. Я видела это своими глазами. Потом пришла тишина. А через несколько часов пришёл флот.

— Флот Униона.

— Да. Они не спасали. Они расстреливали. Методично, по кварталам, как будто выжигали заразу. — Она поставила кружку. — Официальная версия: на Керайне произошла авария при переходе, породившая неустойчивую аномалию, и флот был вынужден её локализовать. Я хочу знать, что в этой версии правда.

— Шесть огней, — сказала Ания. — Шесть навигаторов.

— Я тоже так решила. Сначала. — Мерет взглянула на неё прямо. — Я решила, что вы открыли что-то, чего не должны были открывать, и что вся моя жизнь разрушена ради вашего эксперимента. Я шла по вашим следам, чтобы вас найти. И я нашла Лию Вессен.

Она достала из кармана тонкую пластину размером с ноготь и положила на стол.

— Лиа жила на Тарсе-9 под чужим именем. Когда я пришла, она уже была мертва. Три дня. Следы допроса. Но у неё в ботинке был спрятан вот этот чип.

— Что на нём?

— Вахтенный журнал сторожевика «Копьё-7». Флагмана флота, который пришёл на Керайн. — Мерет не отводила взгляда. — Лиа украла его где-то в архивах. Не знаю, как и зачем. Но смотри на время записи.

Она коснулась пластины, и над столом вспыхнуло бледное, дрожащее изображение: столбец цифр, строки текста. Ания прочла последние слова на приказе, выделенном красным.

Приказ № 4417. Передислокация флота к системе Керайн для превентивной локализации. Время отправки: 22:14 по стандартному календарю.

— Это время, — сказала Мерет, — на сорок минут раньше, чем над башней открылся шов.

Ания перечитала цифры. Потом ещё раз.

— Значит, они знали заранее.

— Либо знали, либо сами его вызвали. Либо я чего-то не понимаю. — Голос Мерет остался ровным, но пальцы, лежавшие на столе, чуть сжались. — Мне не нужна справедливость, Ания. Справедливость это слово, за которым прячутся те, кому нужна месть. Мне нужна правда. Какая угодно. Даже если она окажется такой, что я захочу умереть.

Нота в её голосе не дрогнула. Ания слушала и слышала только одно: ни капли лжи.

— Почему ты рассказываешь мне это? — спросила она. — Ты могла прийти с Унион Тарсис. Могла просто убить меня, как Лию.

— Я не убивала Лию.

— Я знаю. — И Ания вдруг поняла, что действительно знает. — Но ты могла.

— Могла. — Мерет криво улыбнулась. — Знаешь, что остановило? Вот это.

Она закатала левый рукав. На внутренней стороне запястья, чуть ниже ладони, белел шрам: тонкая неровная полоса от основания большого пальца. Такой же, как у Ании. Точно такой же.

Ания взглянула на собственную руку, потом снова на Мерет.

— Откуда у тебя?

— Не у меня. У Лии. Я видела её руку на столе в морге, когда мне разрешили на неё взглянуть. Такой же шрам. Я проверила: у Йорена Тала в архивах есть фото. У всех шестерых. — Она опустила рукав. — Это не случайность, Ания. Это метка. Вас поместили. Не знаю, кто и когда. Но поместили.

— А у тебя?

— Нет. Моя рука чистая. — Она покачала головой. — Я ничего не открывала. Я просто жила рядом.

Молчание повисло между ними, густое, как пар над чаем. Ания смотрела на засохший цветок на столе и думала о том, что у каждого из них, у неё, у Мерет, у мёртвого Йорена, было своё прошлое, вырезанное кем-то по живому.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила она наконец.

— Двух вещей. — Мерет подняла два пальца. — Первое. Эмри.

Ания вздрогнула.

— Ты знаешь про Эмри?

— Знаю, что она была в шестёрке. Знаю, что она старшая. Знаю, что её нет ни среди мёртвых, ни среди пропавших, и это самое страшное. — Мерет подалась вперёд. — Если кто-то и знает, что случилось в ту ночь, то она. Найди её первой, Ания. Раньше Униона. Расскажи мне, что она скажет. И я оставлю тебя в покое навсегда.

— А второе?

Мерет помолчала. Потом посмотрела куда-то поверх Аниной головы, туда, где за переборкой угадывались очертания «Цапли».

— Второе. Твой доктор.

Ания напряглась.

— Орен.

— Орен Дакс. Главный врач «Серебряной гавани», Дома покоя на Лантерне. — Мерет произнесла это ровно, как диагноз. — Он действительно лечил навигаторов, не лгал. Он не сказал, что подписывал протоколы стирания. Каждый, Ания. Больше пяти лет. В том числе твой.

Ания почувствовала, как кружка выскальзывает из пальцев, и успела поймать её у самого края стола.

— Нет.

— Я могу показать документы.

— Он меня вытащил оттуда, — сказала Ания. Собственный голос казался ей чужим. — Он помог мне бежать. Два года назад. Он...

— Помог, — согласилась Мерет. — Только вот зачем, ты спрашивала себя? Зачем человеку, который подписывал приказы о стирании, вдруг помогать сбежать именно тебе? Именно после того, как Лиа Вессен украла журнал? Именно за год до того, как к тебе начнут приходить мёртвые навигаторы в запечатанных капсулах?

— Ты предлагаешь...

— Я ничего не предлагаю. Я задаю вопрос. — Она откинулась на спинку. — Я не говорю, что он твой враг. Я говорю, что он не тот, кем кажется. А ты, насколько я вижу, привыкла ему верить.

Ания молчала. Она закрыла глаза и попробовала услышать, как в трюме, как в тот момент, когда пела нота Йорена. Но сейчас ничего не было. Только собственное сердце, быстрое и неровное.

Не доверяй.

Она открыла глаза.

— Откуда мне знать, что ты не лжёшь?

— Не знаешь. — Мерет пожала плечами. — Но ты слышала мой голос. Слышишь, что у меня внутри. Разве я солгала хоть раз?

Ания не ответила. Потому что нота и правда была чиста.

Но Йорен Тал тоже пел чисто. И он умер, не сказав, кому нельзя верить.

— Чип твой, — сказала Мерет и пододвинула пластину. — Не показывай никому. Особенно врачу. Когда решишь, что делать дальше, ты знаешь, как меня найти. Я услышу.

Ания взяла пластину и спрятала в карман вместе с блокнотом. Встала.

— Если ты наврала...

— Я не наврала.

— Если наврала, я найду тебя.

— Хорошо, — спокойно ответила Мерет. — Буду ждать.

У шлюза Ания обернулась. Мерет сидела за столом, неподвижная, маленькая, с кружкой остывшего чая в обеих руках, и смотрела на мёртвый цветок так, будто за ним скрывалось всё то, что она потеряла.

На «Цапле» её встретили три пары глаз. Рива стояла у шлюза с оружием в опущенной руке. Тиб щёлкал линзами. Орен ждал чуть в стороне, с кружкой дымящегося чая и тревогой на лице, такой настоящей, что у Ании на секунду сжалось сердце.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, — ответила Ания.

Это была её первая ложь на этом корабле.

Она приняла кружку из его рук, и пальцы на мгновение соприкоснулись. Руки у него были тёплые. Руки врача, привыкшего касаться больных. Руки человека, который за шесть лет подписал бог знает сколько бумаг.

Ания улыбнулась и сказала:

— Спасибо.

Глава 6. Серебряная гавань

Станцию Лантерн построили внутри полого астероида, и издалека она выглядела как россыпь огней в чёрном камне. Тысячи ламп, подвешенных на тросах над причалами, над рынками, над узкими улицами, вырезанными прямо в скале. Так сюда и приходили: на свет, в темноте, после долгой дороги.

Лантерн считался нейтральным портом. Сторожевики Унион Тарсис не имели права открывать здесь огонь, зато имели право стоять на якоре у любого причала и записывать, кто входит и кто выходит. «Цапля» получила ремонтный док на шесть часов. Рива сразу ушла договариваться о заплатах для обшивки, Орен остался у капсулы с Йореном: после долгих споров они решили похоронить его в космосе, когда будет безопасно.

Ания сказала, что пойдёт за запчастями. Взяла с собой Тиба.

— Вы лжёте, навигатор, — вежливо заметил дроид, когда они отошли от дока на сотню метров. — Запчасти покупает капитан. Это записано в корабельном уставе.

— Откуда ты знаешь?

— Это единственное, что записано в нём связно. — Линзы щёлкнули. — Куда мы идём на самом деле?

Ания достала из кармана чип Лии Вессен.

— Сначала мне нужно проверить вот это. Подлинность. Можешь?

Тиб протянул манипулятор, взял пластину, поднёс к одной из линз. Помолчал.

— Подлинный, — сказал он. — Подпись защитного модуля совпадает с серией, которую Унион использует для военных журналов. Подделать можно, но очень дорого и очень глупо. Зачем кому-то сделать приказ о передислокации на сорок минут раньше катастрофы?

— Значит, правда.

— Значит, чип настоящий. Что до правды... — Диск чуть повернулся. — Это слово я бы использовал осторожнее.

Ания спрятала пластину.

— Второе. «Серебряная гавань». Дом покоя здесь, на Лантерне. Мне нужно туда попасть.

Тиб молчал так долго, что она решила, что дроид завис.

— Навигатор Вельт, — сказал он наконец. — Могу ли я спросить, зачем?

— Нет.

— Тогда у меня есть одно условие. Если мы что-то там найдём, вы расскажете мне, что именно. Я не уверен, что хочу знать. Но уверен, что имею право.

Она посмотрела на него, на старый латунный корпус с вырезанным куском памяти, и поняла, что он говорит не о ней.

— Договорились.

«Серебряная гавань» стояла на самом верхнем ярусе станции, в «Саду», искусственном парке под куполом, где поддерживали вечную весну. Белое здание с колоннами, с широкой лестницей, с фонтанами. Оно не было похоже на тюрьму. Оно было похоже на санаторий для очень богатых и очень уставших людей.

В вестибюле их встретила женщина в светлом халате с мягким лицом и ласковым голосом.

— Добро пожаловать. Вы к кому-то в гости?

— К родственнику, — сказал Тиб, который вдруг оказался вполне убедительным: подтянул манипуляторы, сменил интонацию на чуть более человеческую. — Я его архивный представитель. Мне нужно уточнить данные по карте пациента для оформления наследства.

— Конечно-конечно. Одну минуту.

Она ушла. Ания осталась стоять посреди вестибюля, и вдруг поняла, что не может дышать.

Пахло лавандой и чем-то стерильным, почти незаметным. И этот запах, не мысль, не образ, а именно запах, ударил так, что подкосились колени. Её тело знало это место. Оно не помнило, но знало. Руки похолодели, в висках заколотилось.

— Навигатор? — спросил Тиб. — Вам нехорошо?

— Всё нормально.

Она не врала. Просто «нормально» было странным словом.

Минут через десять Тиб получил разрешение пройти в архив. Их провели по длинному коридору мимо открытой двери, и Ания увидела мельком комнату: светлую, просторную, с большими окнами. В ней сидели люди. Человек двадцать, в одинаковых бежевых одеждах. Кто-то складывал пазл, кто-то смотрел в окно, кто-то плёл из ниток что-то бесформенное. Никто не разговаривал. Никто не смеялся. Лица у всех были спокойные, чистые, неподвижные, как у спящих.

Она узнала возраст на нескольких лицах: люди, которым давно перевалило за сорок, но которые вели себя как дети. И у каждого на висках, тонких, почти незаметных, белели шрамы-порты.

Навигаторы.

Один из них, седой мужчина у окна, вдруг повернул голову. Посмотрел на неё. Улыбнулся мягко и безмятежно, и улыбка эта была страшнее любого крика.

— Не смотрите, — сказал Тиб. — Пожалуйста. Идёмте.

Архив был крошечным, с одним терминалом и кислой на вид архивисткой, которой Тиб что-то долго и вежливо объяснял. Через пять минут клерк куда-то ушла, оставив терминал разблокированным: ходатайство по наследственным делам оказалось на удивление работающим средством.

— Введите имя, — сказал Тиб.

Она ввела: *Вельт, Ания*.

Экран мигнул. Появилась карта. Тонкая, аккуратная, с фотографией: совсем юная девушка с гладко зачёсанными волосами и пустым взглядом. Ания смотрела на неё и не узнавала, но узнавала одновременно. Это было её лицо. Моложе. Мягче. Без той складки у рта, которая появилась позже.

Пациент № 114. Поступила: 14 дней после инцидента «К». Диагноз: посттравматическое стирание, расширенная форма. Назначено: ежеквартальное углубление.

— Углубление, — прошептала Ания. — Они стирали меня каждые три месяца.

Она листала дальше. Протоколы. Даты. Подписи.

На каждой странице, на каждом листе, рядом с датой, стояла одна и та же подпись, чёткая, наклонная, с длинным хвостом у последней буквы. *Д-р О. Дакс*.

Её затошнило.

Он говорил правду. Он действительно лечил навигаторов. Он просто не сказал, что именно так.

— Навигатор, — позвал Тиб. — Здесь пометка.

Она подняла глаза. На экране, на полях последнего протокола, уже незадолго до даты её побега, виднелась рукописная заметка. Другие чернила, другой почерк, торопливый, как будто писавший боялся, что его застанут.

Она помнит. Не углублять. Если углубим, потеряем.

И ниже, ещё мельче:

Прости.

Ания сидела неподвижно. Строчки плыли перед глазами. Ей хотелось одновременно закричать и заплакать, и она не понимала, чего больше: ярости или чего-то другого, мягкого и страшного, как жалость к человеку, который тебя ранил и потом перевязал.

За спиной раздался голос.

— Ты прочла.

Она обернулась.

В дверях архива стоял Орен. Без куртки, в мятой рубашке, с растрёпанными седыми волосами и лицом, которое за один вечер постарело на десять лет. Он тяжело дышал, как человек, пробежавший несколько кварталов. В руке он держал сложенный лист бумаги.

Тиб медленно отступил к стене.

— Орен, — сказала Ания. Голос вышел хриплым. — Откуда ты...

— Рива сказала, что ты ушла с Тибом. Я догадался, куда. — Он шагнул внутрь. — Ания. Подожди. Дай мне объяснить.

— Объяснить что? — Она показала на экран. — Что ты пять лет стирал мне память? Что подписывал приказ за приказом?

Она произнесла «стирал» и сама услышала разницу. Шов отнимал память без спроса и без расписания. Здесь же кто-то выбирал, что именно ей позволено помнить.

— Да.

Он не стал оправдываться. Не стал отворачиваться. Стоял, опустив руки, и смотрел на неё, и в глазах его не было ни вины, ни страха. Только усталость человека, который слишком долго ждал этого разговора.

— Да, — повторил он. — Я подписывал. Я стёр у тебя одиннадцать лет, по частям, по слою. И я делал это, потому что иначе тебя бы убили.

Ания молчала.

— Но это не вся правда. — Он поднял лист. — Хочешь знать остальное? Тогда пойдём отсюда. Здесь нас слушают.

Глава 7. Всё, что можно сохранить

Он отвёл её в техническую галерею под «Садом», где гудели насосы и пахло влажной землёй. Здесь не было ни ламп, ни ушей, только трубы, мох на стенах и тусклый зелёный свет аварийных панелей. Тиб остался стоять у входа, делая вид, что изучает вентиляционную решётку.

Орен сел на перевёрнутый ящик. Лист бумаги он положил на колено и не развернул.

— Я не был на Керайне, — сказал он. — Начну с этого. Я получил вас через две недели после катастрофы. Шестерых, в шесть разных Домов, чтобы вы не могли сверить воспоминания. Тебе досталась «Гавань».

— Я читала.

— Не всё. — Он поднял на неё глаза. — Первые месяцы я думал, что мне поручили обычную терапию. Травма, утрата, стирание лишнего. Такое делают. Но потом пришёл приказ об углублении, и я увидел, как оно устроено. Обычное стирание идёт вширь, слой за слоем. Углубление идёт в одну точку. Они не стирали тебя. Они бурили.

— Бурили что?

— Одно воспоминание. Там, на самом дне. — Он говорил медленно, взвешивая каждое слово, как врач, который диктует диагноз. — Я не знаю, что это. Но Унион хотел его достать, и они готовы были вскрыть тебя целиком, чтобы это сделать.

Ания слушала и чувствовала, как холодеет под рёбрами.

— И что ты сделал?

— Я стал мешать. Каждый раз, когда протокол подбирался слишком близко к цели, я стирал соседние слои. Не то, что им было нужно, а то, что лежало рядом. Ты теряла вкусы, лица, дни рождения. Но дно оставалось нетронутым. — Он горько усмехнулся. — Выходит, я стирал тебя, чтобы спасти. Дурацкая логика. Но другой у меня не было.

— А потом?

— А потом им надоело ждать. Мне приказали подготовить прямое извлечение. Это когда достают воспоминание вместе с носителем. Я знал, что ты не переживёшь. — Он замолчал, потёр лицо ладонью. — Я устроил побег. Остальное ты знаешь.

— Я ничего не знаю, — сказала Ания. — В этом и дело.

Он не ответил.

Она достала блокнот, нашла строчку в самом конце, ту, что продиктовала рука Йорена: *Не доверяй...* — и посмотрела на Орена. На его усталое лицо, на руки, лежавшие на коленях, на лист бумаги, который он так и не развернул.

— Йорен смотрел на тебя перед смертью. Что он хотел сказать?

— Не знаю.

— Это ложь.

Орен вздрогнул.

— Я слышу, Орен. Не слова, а то, что под ними. У тебя ровная нота, но она чуть-чуть сбивается. — Она не знала, зачем это говорит. Просто голос шёл сам. — Это не про побег. Не про стирание. Это про что-то другое.

Он долго молчал. Насосы бились где-то за стеной.

— Я не знаю, что именно он собирался сказать, — произнёс он наконец. — Это правда. Но я догадываюсь, и мне не хватает смелости произнести догадку вслух. Дай мне время. Прошу. Хотя бы до конца этого рейса.

Ания посмотрела на него. Потом на Тиб, который по-прежнему изучал решётку. Потом на собственную ладонь со шрамом.

Нота, понимала она, была честной в главном. Орен не обманывал её. Он просто не говорил всего.

Это было не одно и то же. Но и не так уж далеко.

— Хорошо, — сказала она. — До конца рейса.

Он кивнул. Плечи его опустились, будто с них сняли груз, которого она не видела.

И тут по всей станции завыла сирена.

Громкоговорители заговорили раньше, чем она успела встать:

«Внимание всем. Введён режим ограниченного доступа. Все выходы из жилых ярусов закрываются. Просьба сохранять спокойствие и оставаться на местах».

— Они нашли нас, — сказал Тиб. Голос у него был напряжённый, непривычно сухой.

— «Неусыпный» вошёл в порт семь минут назад. Командор Хейн запросил у администрации станции право проверки. Ему не отказали.

— Нейтральный порт, — пробормотал Орен.

— Нейтральный до тех пор, пока кто-то не напомним администрации, кто платит ей налоги.

Ания была уже на ногах. Орен распахнул решётку в стене, тесный вентиляционный ход, едва достаточный для человека.

— Туда. Он выведет к грузовому ярусу. Тиб, свяжись с Ривой.

— Уже. Капитан в курсе. «Цапля» готова к отходу, но стыковочное кольцо перекрывают через четыре минуты.

— Значит, бежим.

Они бежали.

Потом Ания вспоминала этот отрезок смутно, рывками. Узкий ход, пахнущий пылью и металлом. Потолок, давивший на спину. Гул шагов где-то внизу, топот сапог, лающие приказы. Выход в грузовой коридор, залитый светом тревожных ламп. Орен, схвативший её за локоть и вытащивший из-под опускавшейся переборки. Тиб, катившийся рядом на трёх манипуляторах и повторявший: «Это не по протоколу, это совсем не по протоколу».

На причале их ждали. Двое солдат в серой форме, с винтовками наперевес. Они не успели ничего сказать: сверху, с тросов, на которых висели тысячи огней, сорвалась гирлянда ламп. Она упала на причал, осыпая всё вокруг стеклом и искрами, а над головами сквозь дым прогревел знакомый голос:

— Живо!

Рива стояла на трапе «Цапли» с обрезом в руках. Ания не знала, откуда у неё такое оружие, и спросить было некогда. Они прыгнули на трап, Рива выстрелила вверх, обрезав ещё один трос, и люк закрылся за ними, отрезав крики, дым и вой сирены.

— Взлёт! — рывкнула Рива в переговорник.

«Цапля» сорвалась с причала.

Стыковочное кольцо смыкалось, как челюсти. Ания видела это через обзорное стекло: створки сдвигались, сантиметр за сантиметром, оставляя щель, в которую «Цапля» помещалась только по диагонали. Рива вела её, скрипя зубами, а Тиб считал вслух: «Запас... два метра... полтора... я бы настоятельно рекомендовал закрыть глаза».

Корабль прошёл в щель и вырвался в пустоту. Позади, на экране, вспыхнули прожекторы: «Неусыпный» разворачивался.

— Вельт, — сказала Рива не оборачиваясь. — Нам нужна пара секунд. Хотя бы один переход.

— Куда?

— Куда угодно.

— Не куда угодно. — Тиб оживился, и это было так неожиданно, что все обернулись. — Навигатор Вельт, чип. Пока вы были заняты, я просканировал его на втором слое шифрования. Там спрятана координата.

— Какая?

— Тавр. Газовый гигант в системе Корвус. На дне его атмосферы есть станция-город под названием «Колодец». Лиа Вессен оставила пометку: *М. Д. Это Марек Дорн.*

Ания кивнула. Один из пятерых. Один из тех, кто знал.

— Рива, давай координаты. Два перехода.

— Два? После трёх ты едва ходила.

— Два. Иначе нас раздавят.

Рива развернула карту.

Ания достала блокнот, открыла чистую страницу. Руки не дрожали. Она написала:

Что я хочу сохранить.

Меня зовут Ания Вельт.

Орен подписывал протоколы стирания.

Орен написал на полях: «Прости».

Мерет Холл не солгала.

Эмри.

Четыре минуты спустя «Цапля» вошла в Шов.

Нота. Струна. Холод. Первый переход прошёл легко, как открытая дверь. Второй был тяжёлым.

Она почувствовала, как что-то уходит. Тихо, без боли. Не вкус. Не лицо. Что-то другое, что у неё не было слов назвать. Как будто кто-то аккуратно снял с неё слой краски, и под ним оказалась голая стена.

Корабль вынырнул на границе системы Корвус. Огни мигнули. Орен был рядом с водой и таблетками.

— Что потеряла? — спросил он, как всегда.

— Не знаю.

Она открыла блокнот. Пробежала глазами по списку. Имя. Орен подписывал протоколы. Орен написал на полях: *«Прости».*

Ания перечитала последнюю строчку трижды.

Она знала, что это правда. Бумага не врёт. Но в груди было пусто: ни тепла, ни жалости, ни той странной мягкости, которая тогда сжала горло. Слова остались, а то, что за ними стояло, ушло.

Она подняла голову. Орен смотрел на неё с тревогой и надеждой, и на лице у него было то самое выражение, которое она, наверное, уже видела раньше. Но не помнила где.

— Всё в порядке, — сказала Ания и закрыла блокнот.

Это была её вторая ложь.

Конец первой части

Интерлюдия. Хейн

Командор Валер Хейн писал рапорты в три часа ночи.

Это была привычка, а не необходимость. Днём на мостике «Неусыпного» всегда находилось слишком много людей, слишком много экранов, слишком много чужих голосов, и мысли путались, как нитки в ящике. Ночью, когда корабль шёл ровным ходом, а вахтенные офицеры перешёптывались вполголоса, он сидел у себя в каюте под лампой с зелёным абажуром и писал ровным, чётким почерком: *«Время. Координаты. Действия. Результат»*.

Сегодня результат был: *отрицательный*.

Он перечитал последнюю строчку, макнул перо в чернильницу, потому что бумагу и чернила в этой каюте он держал из упрямства, и дописал: *«Цель покинула зону досмотра. Причины уточняются»*.

Причины были известны. Беда в том, что они не годились для рапорта.

За стеной тихо гудели двигатели. На столе, рядом с чернильницей, стояла чашка остывшего чая и тонкая стопка бумаг с красной полосой: приказы Регента. Верхний, самый свежий, лежал так, что строки были видны даже без света.

«Навигатор Вельт: не стрелять, не задерживать силой, не причинять вреда. Капитан Ксандер: то же. Корабль не уничтожать».

Он смотрел на последнюю фразу долго. «Корабль не уничтожать». Не «не повреждать», не «не обездвиживать». Просто: не уничтожать. Как будто Регент знал, что кто-нибудь из его людей может не удержаться.

Как будто он знал, что Хейн удержится.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошёл старпом, молодой лейтенант Сольвейг, с планшетом под мышкой и выражением человека, которому предстоит сообщить дурную весть.

— Командор, донесения с Лантерна. Грузовой корабль класса «Т» ушёл из порта в разгар тревоги. Два человека задержаны в «Саду»: санитар и женщина из архива. Остальные...

— Ушли.

— Так точно. Мы можем объявить розыск...

— Не нужно. — Хейн взял чашку, посмотрел на неё и поставил обратно. — Они не вернутся на Лантерн. Не вернутся и в известные порты. Им нужно что-то другое.

— Что именно, командор?

— То, что мы не можем им дать.

Сольвейг переступил с ноги на ногу.

— Разрешите вопрос, сэр?

— Разрешаю.

— Почему мы ловим беглецов с такой... осторожностью? Мы же могли взять их ещё в кольцах Вереса. «Неусыпный» легко...

— Лейтенант. — Хейн поднял глаза. Голос остался ровным, но что-то в нём заставило молодого человека замолчать. — Когда вам будет столько лет, сколько мне, вы поймёте, что самые громкие приказы отдаются шёпотом.

Сольвейг отдал честь и вышел. Хейн долго смотрел на закрытую дверь.

Он помнил ту ночь лучше, чем хотел.

Не всю. Куски, обрывки, вспышки, как кадры из плёнки, которую слишком много раз проматывали. Мостик «Копья-7». Красный свет аварийных ламп. Голос оператора: «Шов открыт, командор. Вся эскадра на позиции». Планета внизу: тёмная, тихая, с мелкими россыпями огней, там, где на ночной стороне горели города.

— Командор, — сказал тогда Регент по закрытому каналу. Голос был спокойным и усталым, как всегда. — Благодарю за готовность. Помните: мы делаем это не по злобе, а из необходимости.

— Так точно, сэр.

— Первая цель: квартал девять. Огонь по готовности.

Он помнил, что на секунду задержал дыхание. Помнил, как подумал: *там дети*. Подумал и тут же заставил себя не думать. Приказ есть приказ. Если он откажется, другой выполнит. А другой, может быть, не станет прицеливаться так аккуратно.

Он дал команду.

Первый залп ударил в темноту, и квартал девять осветился изнутри, как фонарь. Не вспышкой, не пожаром, а мягким оранжевым свечением, будто кто-то включил огромную лампу. Потом свет погас. Остались чёрные пятна.

Хейн смотрел на экран и думал: *вот теперь я навсегда другой человек*.

Он не ошибся.

После Керайна у него не осталось ни семьи, ни друзей. Жена, Лиана, была учительницей. Она преподавала литературу в школе при военной базе, и каждый вечер читала ему вслух. Не потому, что он просил, а потому, что любила. Он слушал, закрыв глаза, и чувствовал себя дома.

Когда он вернулся с Керайна, Лиана посмотрела на него один раз, коротко, и всё поняла. Не по лицу, не по словам. По тому, как он вошёл в комнату: так входят люди, которые больше не имеют права на уют.

Она не ушла. Не крикнула. Просто перестала читать.

На третий год он понял, что это тяжелее любого крика. Она сидела напротив с книгой на коленях, и страницы не переворачивались. Он знал, что она слышит. Слышит каждую его мысль, каждое молчание, каждую ночь, когда он вскакивает с постели и идёт на кухню пить воду, потому что не может уснуть.

Дочь, Аннет, лет через пять вышла замуж и уехала на дальнюю планету. Писем не присылала. Раз в год он находил в почтовом ящике открытку: две строчки, подпись, ничего больше. «*У нас всё хорошо. Не беспокойся*». Он читал её, как читают некролог: внимательно, до последней буквы.

Лиана умерла весной. Тихо, ночью, во сне. Он нашёл её утром и сидел рядом до полудня. Потом встал, умылся, надел форму и пошёл на службу. Иначе не умел.

Он открыл ящик стола.

В нём лежали вещи, которых не видел никто: аккуратно сложенный платок жены, пожелтевшая фотография дочери в школьной форме, потрёпанная колода карт, с которой он когда-то играл в офицерской столовой на Дальней. И ещё одна, совсем маленькая: серебряная звезда с вмятиной посередине, значок «Лучшему пилоту звена».

Он не помнил, где потерял её. Вернее, помнил: в тот вечер, шестнадцать лет назад, когда они с лейтенантом Ксандер впервые за много месяцев сидели за одним столом и пили плохой чай. Он смеялся над её историей про посадку в метель, хлопнул рукой по столу, и значок слетел с груди и покатился под стол.

Он так и не нашёл его. Думал, пропал.

Сейчас, глядя на пустое место в ящике, где мог бы лежать этот значок, он вдруг подумал: *Может, она подобрала?* Мысль была глупой, детской, не стоившей и секунды. Но он не мог от неё избавиться.

Он закрыл ящик.

За стеной гудели двигатели. Где-то далеко, в чёрной пустоте, шёл грузовой корабль класса «Т» с тремя людьми, дроидом и мёртвым человеком в капсуле. Он не знал, куда и зачем. Знал только, что в сводках, которые завтра лягут на стол Регенту, у них не будет ни одного выстрела, ни одного пострадавшего, ни одной зацепки.

Он макнул перо в чернильницу и в самом конце рапорта, мелко, там, где никто не станет читать, дописал: *«Капитан Ксандер: жива»*.

Подумал. Зачеркнул слово «капитан».

В дальнем конце каюты тихо тикали часы. Хейн сидел, глядя на зачёркнутую строчку, и внутри у него что-то медленно, почти неслышно сдвигалось: как сдвигается лёд на весенней реке, сначала звук, потом трещина, потом простор.

Часть II. Пять имён

Глава 8. Колодец

Тавр был самой большой планетой, которую Ания видела в жизни. Янтарный, полосатый, с белыми пятнами бурь величиной с континент, он занимал половину обзорного стекла и казался не планетой, а стеной, за которую уходит весь мир.

— Корвус-4, — сказал Тиб. — Газовый гигант. Диаметр сто сорок тысяч километров. Температура на глубине двух тысяч километров — минус десять, давление приемлемое для жизни при соответствующей защите. Пять тысяч постоянных жителей. Я бы назвал это обнадеживающей цифрой, но предпочту воздержаться.

— Сколько до «Колодца»? — спросила Рива.

— «Цапля» туда не дойдёт. Корпус не выдержит давления. Есть плавучий причал на границе верхних облаков, откуда вниз ходят канатные платформы. Спуск занимает четыре часа.

— Четыре часа на верёвке. — Рива поморщилась. — Старею.

Причал оказался огромным плавучим кольцом из композита, подвешенным на гроздьях газовых мешков, как плот на надутых шарах. Здесь стояли десятки мелких кораблей, сновали грузчики в оранжевых скафандрах, и в воздухе пахло озоном и чем-то кислым, аммиачным. «Цапля» ткнулась в швартовый узел, и Рива, оставив Тиба на борту присматривать за ремонтом, пошла договариваться насчёт места на платформе.

Орен нашёл Анию у шлюза.

— Как ты?

— Нормально.

— Ты не спала.

— Нормально, — повторила она.

Он помолчал. Она заметила, что он хочет сказать что-то ещё, что-то про вчерашнее, про сирену, про разговор в галерее, но слова не шли. Ания смотрела на его лицо, на глубокие морщины у рта, на тёмные глаза и ждала, что внутри что-то отзовется. Но не отзывалось. Ничего. Как будто она смотрела на хорошо знакомую фотографию незнакомого человека.

— Если что-то нужно... — начал он.

— Нужно, — сказала она. — Не мешать.

Он кивнул и отошёл. Она услышала, как у неё за спиной он выдохнул, и подумала, что должна почувствовать вину. Но не почувствовала.

Платформа спускалась медленно. Ания сидела на скамье у прозрачной стены и смотрела, как мир за стеклом меняет цвета. Сначала бледно-жёлтый, потом янтарный, потом медный, потом густо-красный, почти коричневый. Внутри облаков вспыхивали молнии, беззвучные, потому что звук не пробивался сквозь обшивку, и каждая освещала на миг гигантские ущелья из пара и мрака.

Рядом сидела Рива, положив руки на колени.

— Красиво, — сказала Ания.

— Красиво, — согласилась Рива. — И очень глубоко. Я бы не хотела тут застрять.

— Рива.

— М?

— Ты в тот день сказала, что боишься этого рейса. Почему?

Рива долго не отвечала. За стеклом прошла гроза, залил кабину белым светом.

— Я была военным пилотом, — сказала она наконец. — Двенадцать лет. Давно, в другой жизни, и я не люблю об этом. Но за двенадцать лет я научилась одному: когда груз без накладной, значит, за него кто-то уже заплатил слишком дорого.

— Но ты взяла.

— Взяла. Потому что мне заплатили вдвое больше, чем он стоил, и потому что заказчик назвал мне твоё имя. — Рива повернулась к ней. — Я думала, это ловушка. Думала, Унион ищет тебя через меня. Оказалось, он нет, это был тот несчастный в капсуле. Но я всё равно не знала. И всё равно села. Потому что отказываться от тебя не умею.

Ания протянула руку и положила ладонь на её рукав. Это было быстро и неловко, но Рива не отодвинулась.

«Колодец» вырос из красноватой мглы внезапно, как корабль-призрак.

Гигантская станция, подвешенная на тысячах тросов к огромным газовым пузырям, парила в глубине атмосферы. Её основание, широкий диск из металла и стекла, покачивалось в потоках ветра, ярусы поднимались друг над другом, как соты, а между ними, на тонких мостках, двигались люди. Сотни огней горели в красной темноте. Снизу доносился глухой рёв: нижние слои атмосферы, в которых бушевали бури, скрытые под толщей пара.

— Здесь живут, — сказал Орен, — потому что здесь нужны газы. Гелий, водород, аммиак. Торговля идёт в сторону орбиты по тросам. Никто не спрашивает, кто ты и откуда.

— Идеально для того, кто хочет спрятаться, — заметила Рива.

— Или потеряться.

На третьем ярусе, где царила вечная красная тень, они разделились. Рива пошла разведывать окрестности. Тиб остался у платформы, на случай бегства. Ания с Ореном отправились искать «М. Д.».

— Что говорит запись Лии? — спросил Орен.

— «Спроси у лампочника». Больше ничего.

— Лампочника?

Они спросили у трёх прохожих. Первый не понял вопроса. Второй пожал плечами. Третий, старуха с сеткой фиолетовых водорослей, ткнула пальцем вниз:

— Нижние мостки. Там один. Фонари меняет. Мозгов, говорят, нет, зато руки золотые.

Нижние мостки были узкими, скользкими и почти неосвещёнными. Фонари здесь висели редко и горели тускло, а там, где гасли, оставалась только тьма. Ания шла осторожно, стараясь не смотреть вниз: под решётчатым настилом, в тысяче метров ниже, клубился красный туман.

Он сидел на перилах, спиной к ним, и чинил лампы.

Плечи сутулые, волосы цвета старой соломы, руки, и правда, золотые: быстрые, точные, не знавшие лишнего движения. Он что-то напевал себе под нос. Одну и ту же ноту, тихо, ровно, без слов.

Ания остановилась.

Нота. Она слышала её раньше. Не в Шве, не во сне. Она была в ней самой, в том месте, где обитала память о том, чего не помнила. И сейчас эта нота ложилась точно в унисон с её собственной, как два голоса в одной песне.

— Марек, — сказала она.

Песня оборвалась.

Он обернулся не сразу. Сначала замер, опустив руки, потом медленно, будто через воду, повернул голову. Лицо у него было молодое, не старше тридцати, но глаза старше самого лица. Один зрачок был затянута белёсой плёнкой.

— Ания, — сказал он. — Лиа обещала, что ты придёшь.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет. — Он улыбнулся, виновато, по-детски. — Я знаю, как ты звучишь. Это другое.

Он встал, вытер руки о штаны и сделал шаг навстречу, вглядываясь ей в лицо так пристально, словно хотел запомнить. Потом перевёл взгляд на Орена и застыл.

— Этот, — сказал он. — Я его знаю.

Орен не пошевелился.

— Не по имени. Я не помню имён. — Марек сделал неопределённый жест рукой. — Но у меня такое чувство, будто он стоял надо мной. С иглой. И говорил что-то мягкое.

— Я лечил навигаторов, — ровно сказал Орен.

— Лечил. — Марек качнул головой. — Хорошо, что лечил.

Но в голосе его не было ни благодарности, ни облегчения. Ания уловила едва слышную фальшь, и на этот раз она не принадлежала Орену.

Марек жил в крошечной каморке под нижним мостком: койка, ящик с инструментами, десятки старых ламп на полках. Он заварил чай в жестяном чайнике и разлил по трём кружкам, и всё это время не переставал петь ту самую ноту.

— Лиа пришла ко мне за месяц до смерти, — сказал он, наконец усевшись напротив. — Мы не виделись одиннадцать лет. Она сказала: «Они придут за всеми. Я нашла кое-что. Если со мной что-то случится, жди Анию».

— Что она нашла?

— Не сказала. Сказала только, что это правда про Керайн. И что нас обманули.

— Кто?

Марек нахмурился. Лоб собрался складками, пальцы сжали кружку.

— Я не помню. Стёрли. Но кое-что осталось. Не имена. Комната. — Он закрыл глаза. — Круглая, с белыми стенами и низким потолком. Шесть кресел по кругу. Мы сидим. Нам вставляют контакты. Я чувствую, как мне холодно в висках. А в центре комнаты стоит ещё одно кресло. Седьмое. Пустое.

Ания подалась вперёд.

— Пустое?

— Нет. Не пустое. — Он открыл глаза, и в них стояло странное, остекленевшее выражение. — Там сидел человек. Не навигатор. У него не было контактов. Он просто сидел и смотрел на нас. Он был добрым. У него был добрый голос. Он сказал: «Держитесь. Это правильно. Скоро всё кончится».

— Как он выглядел?

— Не помню. Только руки. Он держал их на коленях. На одной был шрам. Тонкий, круглый, как кольцо.

Орен медленно поставил кружку на ящик.

— Ты помнишь, как он назывался? — спросил он очень ровно. — Как к нему обращались?

Марек долго молчал. Потом лицо его дрогнуло.

— Регент, — прошептал он. — Они называли его Регент.

Тишина упала в каморке, как камень в воду. Ания услышала собственный пульс и поняла, что не слышит ничего другого: ни ветра, ни гула станции, ни тонкого звона ламп.

Регент Кассиан Орм. Человек, который правил Унионом.

Он был там. В ту ночь. В комнате, где открывали шов.

— Марек, — сказала она. — Ты поедешь с нами. Здесь небезопасно.

— Я никуда не поеду. — Он улыбнулся. — Мне никуда и нечем. Но я хочу тебе дать кое-что.

Он встал, подошёл к полке и достал оттуда маленькую лампу, старую, помятую, с треснувшим стеклом. Протянул ей.

— Лиа оставила. Сказала: «Для Ании. Когда придёт».

Ания взяла лампу, повертела в руках. Внутри, за стеклом, что-то блеснуло, не нить накаливания, а крошечный кристалл, холодный и бледный, как лёд.

— Что это?

— Не знаю. Она сказала, что ты поймёшь.

Снаружи что-то глухо ударило, будто великан топнул по основанию станции. Лампы на полках звякнули и закачались. Марек обернулся к двери, и лицо его стало растерянным.

— Это не шторм, — пробормотал он. — Шторм так не бьёт.

Второй удар. Третий.

И потом лампы погасли. Все сразу: в каморке, на мостках, на ярусах над ними. Станция погрузилась в красную темноту, и Ания, стоя с лампой в руках, вдруг вспомнила, хотя не должна была помнить, как гасли огни над башней в ту ночь, один за другим, шесть.

Глава 9. Нить

Темнота в «Колодце» была не такой, как в космосе. В космосе тьма пустая, равнодушная. Здесь она давила: красная, плотная, с запахом гари и гулом, идущим откуда-то снизу, из самого чрева планеты. Станция покачивалась, как лодка на волне, и где-то далеко, на верхних ярусах, кричали люди.

— Это не шторм, — повторил Марек. Голос у него был тихий, но спокойный. — Это они. Бьют по тросам.

— Кто они? — спросила Ания.

— Те, кто приходил в прошлый раз. — Он зажёл в ладони крошечный фонарик, отбрасывавший зеленоватое пятно света. — Лиа говорила: когда погаснут лампы, значит, за нами пришли. Я думал, это просто слова.

Орен уже стоял у двери, прижавшись ухом к щели.

— Шаги, — сказал он. — Много. Сверху. Минуту, может, две.

— Здесь есть второй выход?

— Есть. — Марек обернулся к стене, за полками с лампами, и надавил на неприметную панель. Она отошла, открыв тёмный узкий лаз. — Лампочные ходы. Прокладывали, когда ставили освещение. Они идут по всей станции, между ярусами. Никто, кроме меня, не знает, где какой.

— Откуда знаешь ты?

— Я их чиню, — просто сказал он. — Одиннадцать лет. Других причин у меня как-то не нашлось.

Они полезли в лаз.

Ход был тесный, горячий, обшитый медными трубками, по которым когда-то шёл ток. Марек шёл первым, держа фонарик в зубах, и время от времени касался стены ладонью, не глядя. Как слепой, подумала Ания. Или как музыкант, проводящий пальцами по знакомым клавишам.

Вдруг он остановился.

— Подожди. Слушай.

Она затаила дыхание. Далеко-далеко, на границе слышимости, звучала нота. Не его и не её. Холодная, ровная, чужая, и в ней было что-то металлическое, как в лезвии, которое точат.

— Не Мерет, — сказала Ания.

— Нет. — Марек сглотнул. — Другая. Они приходят с такими. Мы называем их «гасильщиками».

— Что они делают?

— Гасят. Не огонь. Это... — Он замялся, подбирая слова. — Это такие устройства. Носишь на лице, и если рядом навигатор, он перестаёт слышать Шов. Как будто оглох. Помнишь это чувство? Когда нота пропадает, а в голове остаётся пустота?

Ания не помнила. Но по спине пробежал озноб.

Лампочные ходы вывели их на технический балкон, нависший над главным стволом станции. Ания вышла следом за Марексом и замерла.

Ствол был огромным, километр в поперечнике, пронизанным сотнями тросов, тянувшихся вверх, туда, где парили газовые мешки. Платформы, лифты, мостки цеплялись к ним, как бусины к нитке. Снизу по тросам карабкались чёрные фигуры, десятки, в герметичных скафандрах, с тусклыми красными огоньками на шлемах. Они двигались быстро, слаженно, как муравьи по стволу дерева.

— Сколько их? — шёпотом спросил Орен.

— Сорок, не меньше. — Марек прищурился здоровым глазом. — Штурмовые лодки подошли снизу. Они поднимаются по стволу и зачищают ярусы.

— Нам нужна платформа наверх. Рива должна быть на третьем.

— Здесь рядом грузовая.

Они побежали по балкону, потом по мосткам, потом по узкой стальной лестнице, гремевшей под ногами. Красные огни шлемов были уже совсем близко, в двух ярусах внизу. Ания слышала приглушённые голоса, команды, щелчки затворов.

Грузовая платформа стояла у причала, пустая, чуть покачиваясь на тросах. Рива стояла рядом, с обрезом на плече, и Тиб, подпрыгивая на манипуляторах, что-то объяснял ей.

— Наконец-то! — рывкнула Рива. — Где вас носит? Я уже хотела идти искать!

— Прости, — сказала Ания. — Были заняты.

— Заняты чем?

— Знакомством. Это Марек.

Рива оглядела бледного, сутулого человека с белёсым зрачком и ничего не сказала. Только кивнула и махнула рукой в сторону платформы.

— Все на борт. Тиб, запускай.

Платформа дрогнула и пошла вверх. Сначала медленно, потом быстрее. Ания встала у перил, глядя вниз. Чёрные фигуры карабкались по соседним тросам, и их огоньки поднимались следом, как стая мерцающих насекомых.

— Догоняют, — сказал Тиб. — Скорость платформы двенадцать метров в секунду. Их скорость пятнадцать. Через сорок секунд они выйдут на наш уровень.

— Можно быстрее?

— Нет. Механизм на пределе.

Марек стоял рядом с Анией. Он смотрел вниз, на красные огни, и лицо его было странно спокойным.

— Мне нужен нож, — сказал он вдруг.

— Зачем?

— Трос. Вот этот. — Он показал на толстый стальной канат, который тянулся вдоль соседней колеи и по которому поднималась основная масса солдат. — Он держит соседнюю платформу. Если перерубить, они упадут вниз.

— Ты с ума сошёл, — сказала Рива. — Это сорок человек.

— Это сорок человек, которые идут нас убивать. — Он посмотрел на Анию, и в его улыбке было что-то горькое и светлое одновременно. — Лиа сказала, что я должен быть полезен. Хотя бы раз.

— Марек...

— Мне не страшно. Правда. Я одиннадцать лет жил в темноте. — Он взял у Орена нож, который тот протянул, и перекинул ногу через перила. — Береги лампу.

— Подожди!

Но он уже прыгнул.

Ания увидела, как он ловко, цепко, как кошка, перебрался на соседний трос, как скользнул вниз по нему на несколько метров и, зацепившись одной рукой, другой начал резать. Нож блестел в красных вспышках. Внизу солдаты заметили его, закричали, вскинули оружие.

Первый выстрел прошёл мимо.

Второй тоже.

Третий попал.

Марек не вскрикнул. Только на миг замер, повис, и нож выпал у него из руки. Но он успел. Трос, надрезанный наполовину, застонал, натянулся, и оборвался с таким звуком, будто лопнула огромная струна.

Соседняя платформа, на которой шла самая большая группа солдат, дёрнулась, накренилась и рухнула вниз, в красный туман. Ания слышала, как кричат люди. Недолго.

А Марек остался висеть на оборванном тросе, и по нему, как по канату, уже спускались двое оставшихся солдат.

— Рива! — крикнула Ания. — Назад!

— Нельзя!

— Нужно!

— Он уже мёртв, Вельт!

— Нет!

Она видела: он не умер. Один из солдат поднёс к его лицу что-то блестящее, похожее на маску. Марек дёрнулся. Открыл рот в беззвучном крике. И нота, та самая, которая звучала в Ании с того момента, как она его увидела, оборвалась. Не затихла. Оборвалась, как перерубленная нить.

Ания схватилась за перила и согнулась пополам, будто её ударили в живот. Что-то огромное и тёплое вырвали из груди.

Орен подхватил её под руки.

— Дыши. Вдох. Выдох. Это гасильщик. Он выключил его. Не убил, просто выключил.

— Он жив?

— Жив.

— Они его заберут.

— Заберут.

Она выпрямилась. Слезы текли по лицу, но голос был ровным.

— Тогда мы заберём его обратно.

Платформа вышла из красной мглы в бледно-янтарный свет верхних слоёв. Здесь воздух был чище, ветер слабее, и далеко-далеко над головой виднелись тёмные силуэты плавающего причала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.